

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55

EDN: JFALXT

Научная статья / Research article

Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст

Ю.В. Боровский

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 yuribor@mail.ru

Аннотация. Противостояние, в котором оказались Россия и Запад из-за конфликта на Украине, явило всему миру очередной, причем беспрецедентный пример политизации мировой энергетики. Политизация энергетики — важное явление в международных отношениях, которое пока не получило должной теоретической проработки. Цель исследования — комплексное рассмотрение и типологизация основных международных проявлений политизации энергетики как в истории, так и в современных международных отношениях с особым фокусом на «энергетическом противостоянии» России и Запада, возникшем в ходе конфликта на Украине. Теоретически исследование опирается на существующую концептуальную проработку термина «политизация», а также видение международных отношений сторонниками социального конструктивизма и политического реализма. Применяются методы исторического, системного и сравнительного анализа, а также метод аналогии. Автор приходит к выводу, что политизация энергетики, будучи неотъемлемым атрибутом международных отношений за последние 50 лет, может быть скрытой или открытой, умеренной или крайней. Крайняя форма политизации, в отличие от умеренной, предполагает применение «энергетического оружия» в политических целях, что приравнивает ее к энергетической войне. Энергетические войны могут быть ограниченными или полномасштабными; односторонними (безответными), двусторонними или многосторонними. Конфликт на Украине спровоцировал открытую и крайнюю политизацию энергетики, которая после начала специальной военной операции (СВО) приобрела форму полномасштабной, двусторонней энергетической войны. США и их союзники, желая повлиять на российскую политику в отношении Украины, применили в полной мере свое «энергетическое оружие», и Россия ответила тем же, правда, в ограниченном масштабе.

Ключевые слова: поставки энергоресурсов, энергетическое оружие, энергетическая война, санкции, конфликт, Россия, Запад, США

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Боровский Ю. В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 45–55. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55>

© Боровский Ю.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Politicization of Global Energy Supply: Historical and Contemporary Context

Yury V. Borovsky

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 yuribor@mail.ru

Abstract. The ongoing confrontation between Russia and the West over the conflict in Ukraine has revealed another, and unprecedented, example of the politicization of global energy supply. The politicization of energy supply represents an important phenomenon in international relations, which still lack a proper theoretical elaboration. This article aims to comprehensively examine and typologize the main manifestations of the politicization of global energy supply both in history and in modern international relations, with a special focus on the ‘energy confrontation’ between Russia and the West, provoked by the conflict in Ukraine. Theoretically, the research is based on the existing conceptual elaboration of the term ‘politicization,’ as well as on the vision of international relations by proponents of social constructivism and political realism. It relies on the methods of historical, system and comparative analysis, as well as the method of analogy. The author concludes that the politicization of energy supply is an integral attribute of international relations in the last half century. It can be hidden or open, moderate or extreme. The extreme form of politicization of energy supply, in contrast to the moderate one, involves the use of ‘energy weapons’ for political purposes, which equates it to an energy war. Energy wars can be limited or full-scale; unilateral, bilateral or multilateral. The conflict in Ukraine has provoked an open and extreme politicization of energy supply, which took the form of a full-scale, bilateral energy war after the start of Russia’s special military operation. The United States and its allies, seeking to influence the Russian policy towards Ukraine, have used ‘energy weapons’ to the fullest, and Russia has responded in kind, albeit on a limited scale.

Key words: energy supply, energy weapon, energy war, sanctions, conflict, Russia, West, USA

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Borovsky, Yu. V. (2025). Politicization of global energy supply: Historical and contemporary context. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 45–55. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55>

Введение

Политизация энергетики — одна из ключевых международных проблем современности, имеющая прецеденты в истории. Противостояние России и западных государств, спровоцированное украинским конфликтом и усилившееся после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине, еще больше обострило данную проблему, которая на сегодняшний день не имеет должной теоретической проработки, хотя периодически затрагивается в научных публикациях. Исследование направлено на комплексное рассмотрение и типологизацию проявлений политизации энергетики как в истории, так и в современных международных отношениях с акцентом на «энергетическом противостоянии» России и Запада, возникшем в ходе конфликта на Украине.

Теоретическую базу исследования составляет существующая концептуальная

проработка термина «политизация», а также социальный конструктивизм и политический реализм. Методологически исследование опирается на исторический, системный и сравнительный анализ, а также метод аналогии.

Понятие «политизация»

В научном дискурсе термин «политизация» (*politicization*) встречается довольно часто. В фокусе внимания исследователей — политизация экономики, торговли, энергетики, международных институтов, культуры, религии, этничности, науки, истории, искусства, СМИ, прав человека и т. д.¹ Если

¹ Scherrer C. P. *Violent Conflict: Contemporary Warfare, Mass Violence and Genocide — Dataset 1985–2005, Typologies, and Trends* // *Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict* / ed. by L. Kurtz. Academic Press, 2008. P. 2331–2382. <https://doi.org/10.1016/B978-012373985-8.00237-3>. См. также: (Боровский, 2008; Данилов, 2010; Чернявская, 2013; Лебедев, 2015; Борисова, 2018; Ефанов, 2021; Sassi, 2023).

обобщить и систематизировать существующие определения «политизации»², то под данным термином следует понимать процесс, в ходе которого неполитические по своей изначальной природе явления, сферы и институты социального (в том числе международного) взаимодействия начинают видаться в политическом ракурсе, то есть в контексте борьбы за власть или силового противостояния — в рамках одного государства или в международном контексте. Следовательно, политизация способна искажать, лишая объективности те социальные процессы, сферы и институты, которые она затрагивает, заставляя участников этих процессов принимать во внимание и даже ставить во главу угла некие политические факторы.

С точки зрения теории международных отношений политизация, будучи социальным явлением, в наибольшей степени укладывается в воззрения конструктивистской школы. Поскольку в центре внимания последней находится концепция секьюритизации (*securitization*), разработанная представителями Копенгагенской школы, возникает немаловажный вопрос о понятийном соотношении политизации и секьюритизации. Под секьюритизацией конструктивисты понимают процесс, в ходе которого определенные вопросы, явления или акторы политизируются и начинают восприниматься государствами, группой государств или иными международными акторами в качестве угрозы их безопасности. При этом процесс секьюритизации развивается по четко установленному алгоритму (Buzan & Wæver, 2003).

В международном научном сообществе вопрос о том, являются ли секьюритизация и политизация одним и тем же или двумя разными процессами, уже поднимался³. Если опираться на накопленные теоретические знания, представляется более правильным

считать секьюритизацию и политизацию двумя разными, но в то же время взаимосвязанными процессами (Bourbeau, 2011), поскольку секьюритизация того или иного вопроса, явления или актора обязательно подразумевает их политизацию (Buzan & Wæver, 2003). Иными словами, допустимо полагать, что политизация — неотъемлемый атрибут секьюритизации.

В рамках реалистской теоретической концепции международные отношения рассматриваются сугубо через призму политики и борьбы за власть, и, как следствие, любые неполитические сферы международного взаимодействия (экономика, финансы, торговля, энергетика и др.) трактуются исключительно с точки зрения фактора силы или слабости государств и даже с точки зрения использования этих сфер как «оружия»⁴.

Исходя из этого, можно сделать два вывода.

Первый заключается в том, что политизация, если она имеет место, подтверждает торжество воззрений реалистской школы или того факта, что политика способна обуславливать развитие различных (если даже не всех) сфер социальных отношений.

Второй состоит в том, что политизация фактически является процессом перемещения того или иного неполитического вопроса в сферу политики или в область политического реализма.

В то время как вопрос об установлении четкого алгоритма действий актора по отношению к аудитории для процесса политизации (аналогично тому, что зафиксирован Копенгагенской школой для секьюритизации) остается открытым, несомненно важной и актуальной видится задача по определению различных типов политизации. Так, например, в области экономики давно существует типология инфляции. По форме своего проявления инфляция может быть как открытой,

² Kay D. A. *The Functioning and Effectiveness of Selected United Nations Systems Programs*. St. Paul: West Publishing Company, 1980. См. также: (Wells, 1987, pp. 1–23; Palonen, 2003; Bobba & Hubé, 2021).

³ Bourbeau P. *Securitization* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / ed. by J. D. Wright. Elsevier, 2015. P. 395–399. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.96056-2>

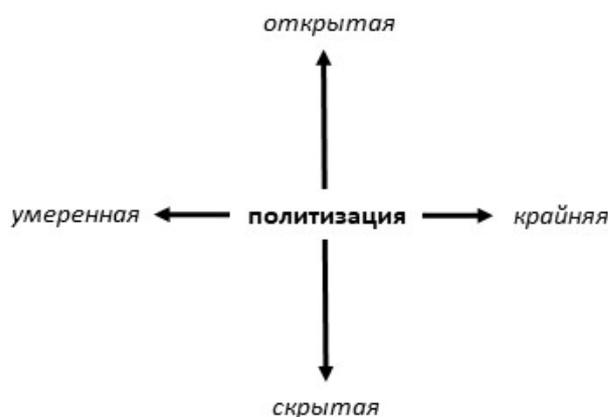
⁴ Lobell S. E. *Structural Realism. Offensive and Defensive Realism* // *The International Studies Encyclopedia* / ed. by R. A. Denemark, R. Marlin-Bennett. Wiley-Blackwell, 2010. P. 6651–6669. <https://doi.org/10.1093/acref/9780191842665.001.0001>. См. также: (Боровский, 2023; Luft & Korin, 2009).

так и скрытой. Исходя из темпов или уровня — умеренной, галолирующей и с приставкой «гипер» (Андрианов, 2010).

По аналогии с инфляцией политизация по форме своего проявления может быть как *открытой*, так и *скрытой*. В первом случае речь идет о политизации, которую государство или иной актор не скрывают и открыто фиксируют в своих документах, речевых актах и действиях. Во втором — о политизации, которая имеет место, но при этом государство или иной актор публично себя с ней не ассоциируют. В отличие от инфляции политизация не может быть измерена количественно. Тем не менее ее допустимо дифференцировать как *умеренную* или *крайнюю*.

В тех случаях, когда государства или их объединения, стремясь к достижению своих политических целей, используют невоенные ресурсы в качестве «оружия» (поставки нефти, газа или зерна; экспорт технологий; средства массовой информации и т. д.), допустимо говорить о крайней форме политизации той сферы международных отношений, в которой она имеет место (например, энергетика, торговля, информационное пространство). Исходя из известного изречения Карла фон Клаузевица «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами», содержащегося в трактате «О войне» (Зоткин, 2019), крайние проявления политизации следует отождествлять с торговыми, энергетическими⁵, технологическими и иными войнами, ведущимися вне традиционного поля боя. Такие войны могут быть ограниченными и полномасштабными, односторонними (или безответными), двусторонними и многосторонними. Соответственно, политизацию, которая не сопряжена с применением торгового, энергетического, технологического, информационного и иного подобного «оружия», следует считать умеренной (рис.).

⁵ Жизнин С. З., Абдрасулов Н. К. Современные энергетические войны и кризисы: угрозы миру // Независимая газета. 27.07.2023. URL: https://www.ng.ru/energy/2023-07-27/100_energy27072023.html (дата обращения: 16.09.2024).

Типология политизации

Источник: составлено Ю.В. Боровским.

Политизация энергетики в истории международных отношений

До начала конфликта на Украине в 2014 г. и тем более СВО в 2022 г. в международном сообществе с политизацией энергетики по большому счету ассоциировались несколько кейсов. Один из наиболее крупных из них связан с ярко политизированной реакцией нефтеэкспортирующих стран Персидского залива на поддержку западными странами Израиля в войне Судного дня (6–25 октября 1973 г.), выразившейся в 70-процентном повышении цены на нефть, ежемесячном 5-процентном снижении нефтедобычи, а также во введении эмбарго на поставки нефти в США, Нидерланды, Португалию и ЮАР, обвиненные в помощи Израилю в ходе войны (Ергин, 2023, с. 634–663; Скороходова, 2021, с. 44–102; Макаров, Чупилкин, 2021).

Действия нефтеэкспортеров Персидского залива в 1973–1974 гг. можно считать проявлением как открытой, так и крайней политизации энергетики в форме полномасштабной⁶, но при этом односторонней энергетической войны, поскольку ответных действий стран Запада в отношении них не последовало. Несколько позже, в ноябре 1979 г., США, реагируя на Исламскую революцию в Иране и непосредственно на захват американского посольства в Тегеране, не только разорвали

⁶ В силу масштаба и весьма широкого спектра принятых мер.

дипломатические отношения с возникшей Исламской Республикой Иран, но и ввели эмбарго на поставку иранской нефти на американский рынок с целью не только наказать, но и подорвать новую власть в Тегеране (Ергин, 2023, с. 727–731). В данном случае также уместно говорить об открытой и крайней политизации энергетики в форме односторонней и ограниченной энергетической войны.

Весьма примечательно, что с 1970-х гг. в международном контексте и дискурсе неизменно присутствует проблема энергетической безопасности, обязательно рассматриваемая с точки зрения политизированных действий государств, а межгосударственные энергетические отношения непременно трактуются в политическом ключе. Иными словами, с 1970-х гг. государства мира видят в энергетике важный внешнеполитический рычаг, с помощью которого можно либо побуждать, либо принуждать своих контрагентов в лице как потребителей, так и поставщиков энергоносителей к определенным политическим и иным действиям (Голунов, 2021; Скороходова, 2021; Боровский, 2022, с. 11–49; Venn, 2002; Yergin, 2011, pp. 264–284).

Обвал мировых цен на нефть, спровоцированный Саудовской Аравией в середине 1980-х гг., исследуется не только сквозь призму острой конкурентной борьбы за рынки сбыта и реформирования глобального рынка нефти в контексте формирования биржевой спотовой торговли (Скороходова, 2021, с. 182–212; Ергин, 2023, с. 807–834). Некоторые специалисты объясняют это обрушение «совместной политической акцией» Вашингтона и Эр-Рияда, направленной против Москвы (Лоран, 2008, с. 182–212; Боровский, 2022, с. 252–253). Если принять данную гипотезу, построенную на вполне убедительной фактологии, то в глубоком падении мировых цен на нефть в середине 1980-х гг. можно увидеть крайнюю, но при этом скрытую политизацию мировой энергетики. Иными словами, Саудовская Аравия в рамках необъявленной ограниченной энергетической войны с СССР тайно и односторонне использовала с подачи США нефть в качестве «оружия» в расчете на политическое ослабление советского

государства, ожидая параллельно получить сопутствующие экономические выгоды.

Еще один кейс, ярко демонстрирующий, правда, исключительно с западной точки зрения, политизацию мировой энергетики, касается неоднократной остановки подачи российского газа на Украину в январе 2006 г., январе 2009 г. и июне 2014 г. Трактовки данных инцидентов на Западе и в России в корне расходятся. Москва настаивает на том, что она вынужденно пошла на такую исключительную меру в силу сугубо коммерческих причин, а именно — категорического отказа Киева покупать российский газ на рыночных (или близких к рыночным) условиях, а также платить по газовым долгам⁷. В США и странах Европейского союза (ЕС), напротив, видят в подобных, якобы необязательных действиях России, политический умысел — желание как наказать Украину за ее прозападный курс, так и побудить ее учитывать российские политические интересы⁸. Таким образом, в глазах Запада речь идет о тайном применении Россией своего «энергетического оружия» в политических целях и, значит, скрытой и крайней политизации энергетики. Если до конца придерживаться предложенной типологии, описанные действия России в отношении Украины можно назвать односторонней и ограниченной энергетической войной.

Политизация мировой энергетики проявляется не только в контексте резонансных международных событий — кризисов, кон-

⁷ См.: Pirani S., Stern J., Yafimava K. The Russo-Ukrainian Gas Dispute of January 2009: A Comprehensive Assessment // Oxford Institute for Energy Studies. February 2009. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:3e2ad362-0bec-478a-89c1-3974c79363b5> (accessed: 20.09.2024); Российско-украинские газовые конфликты. Досье // ТАСС. 16.06.2014. URL: <https://tass.ru/info/1128520?ysclid=m74pbkhc59578799889> (дата обращения: 20.09.2024).

⁸ Pirani S., Stern J., Yafimava K. The Russo-Ukrainian Gas Dispute of January 2009: A Comprehensive Assessment // Oxford Institute for Energy Studies. February 2009. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:3e2ad362-0bec-478a-89c1-3974c79363b5> (accessed: 20.09.2024). См. также: (Саква, 2010; Henderson, 2016; Grigas, 2017; Rodríguez-Fernández, Carvajal & Ruiz-Gómez, 2020).

фликтов или споров. На основе энергетики могут создаваться крепкие политические альянсы или выстраиваться «особые отношения». В годы холодной войны такие «особые отношения» связывали США и нефтеэкспортирующие монархии Персидского залива, включая, прежде всего, Саудовскую Аравию (Симония, 2005; Скороходова, 2021), а также СССР и страны — члены Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). В XXI в. данную практику перенял Китай, начав активно выстраивать отношения по формуле «энергетика плюс политика» с целым рядом экспортирующих углеводороды стран, включая Россию, Туркменистан, Иран, Саудовскую Аравию, Венесуэлу и Анголу. Попытка построить подобные отношения имела место у России и Германии в 2000–2010-е гг., но не увенчалась успехом (Боровский, 2022).

Поставки политическим и идейным союзникам ископаемых энергоносителей по заниженным, нерыночным ценам — нередкое явление. Данная практика, например, свойственна России по отношению к Белоруссии (Боровский, 2022), а также Венесуэле в отношении Кубы и ряда других стран Карибского бассейна⁹. Однако страна-экспортер может, напротив, завышать цены на энергоносители для государств, которые проявляют к ней политическую нелояльность или следуют неверным в ее понимании политическим курсом. В подобных действиях в прошлом нередко обвиняли Россию, указывая на якобы завышенную стоимость ее газа для некоторых стран Восточной Европы, включая Польшу и Болгарию, хотя Москва подобные обвинения решительно отвергала¹⁰.

Если опираться на предложенную типологию, межгосударственные отношения, строящиеся по формуле «энергетика плюс

политика», а также политически мотивированные поставки энергоносителей по заниженным или завышенным с точки зрения рынка ценам допустимо считать проявлениями умеренной и вместе с тем скрытой политизации энергетики, так как государства, ассоциируемые с данными практиками, публично себя с ними не связывают.

Как в годы холодной войны, так и после нее Соединенные Штаты и другие страны Запада на регулярной основе применяют «энергетические санкции» в политических целях. Целью таких санкций становятся главным образом нефте- и газэкспортирующие страны, которые, с точки зрения Запада, идут «неверным» политическим курсом. Если не брать в расчет санкционную политику западных государств в контексте конфликта на Украине (о ней будет сказано ниже), объектами «энергетических санкций» Запада за последние десятилетия (помимо СССР) выступали, прежде всего, Ирак, Венесуэла, Иран, Сирия, Ливия и Судан¹¹.

Данные «недружественные» практики можно трактовать по-разному. В случаях, когда «энергетические санкции» Запада направлены по большей мере на ослабление «неудобной» страны-экспортера, более уместно говорить об умеренной политизации энергетики (например, ограничения, наложенные на экспорт иракской нефти после войны в Персидском заливе). Когда же «энергетические санкции» Запада, напротив, видятся в качестве «оружия», то есть призваны не столько ослабить, сколько принудить к каким-то действиям или даже низложить «неудобный» режим в определенной стране-экспортере, более правильно рассматривать такие санкции в качестве крайнего проявления политизации энергетики и ограниченных энергетических войн (например, жесткие санкции, наложенные на экспорт венесуэльской нефти после не признанных Западом результатов президентских выборов 2018 г.) (Семёнов, 2022; Боровский, 2023).

⁹ Goldwyn D. L., Gill C. R. Uncertain Energy: The Caribbean's Gamble with Venezuela // Atlantic Council. July 2014. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2014/07/Petrocaribe_RDO_18.pdf (accessed: 20.09.2024).

¹⁰ Kramer A.E. Gazprom Faces Effects of Politics on Its Bottom Line // The New York Times. April 22, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/04/23/business/international/gazprom-faces-effects-of-politics-on-its-bottom-line.html> (accessed: 22.09.2024).

¹¹ Sanctions Programs and Country Information // Office of Foreign Assets Control. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information> (accessed: 24.09.2024). См. также: (Боровский, 2023).

И наконец, нередко политизация мировой энергетики видится в самом четвертом энергопереходе, связанном с отказом человечества от ископаемого топлива и переходом на возобновляемые и иные углеродно-нейтральные источники энергии. Речь якобы идет о негласном и завуалированном намерении импортеров углеводородов в лице западных стран девальвировать ключевой статус нефти и газа в мировой энергетике и тем самым лишить ведущих нефтегазовых экспортеров (страны — члены Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Россию и др.) их грозного «энергетического оружия» в виде эмбарго и завышения цен.

Вместе с тем современная климатическая повестка, неразрывно связанная с четвертым энергопереходом, рискует стать крайне политизированной уже в недалеком будущем. Это произойдет в случае, если государства и их объединения начнут использовать углеродные (или «зеленые») пошлины, а также санкции в качестве политического «оружия». Далеко не случайно в октябре 2021 г. президент РФ В.В. Путин назвал сбережение климата общей задачей человечества, однако призвал страны мира не использовать климатическую повестку в качестве «орудия для продвижения собственных экономических и политических интересов»¹². На данный момент проблематика четвертого энергоперехода и борьбы с изменением климата пока не вышла за рамки умеренной политизации энергетики.

Политизация энергетики в контексте конфликта на Украине

После начала кризиса на Украине в феврале 2014 г. западные страны во главе с США явили всему миру новый пример открытой и крайней политизации энергетики в форме ограниченной и односторонней энергетической войны. Обвинив Россию «в аннексии Крыма и поддержке сепаратистов на Донбассе», они явно, но при этом сдержанно приме-

¹² Пленарное заседание международного форума «Российская энергетическая неделя» // Президент России. 13.10.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66916> (дата обращения: 23.09.2024).

нили против российского государства «энергетическое оружие» с целью «принудить его к уважению суверенитета и территориальной целостности Украины»¹³. В результате все ведущие энергетические компании РФ лишились доступа к долгосрочному финансированию в западных финансовых институтах, а на торговлю ценными бумагами этих компаний были наложены серьезные ограничения. Под санкции Запада также попали все реализуемые и будущие проекты на территории РФ, касающиеся добычи углеводородов на глубоководных морских участках, арктическом шельфе, а также в низкопроницаемых коллекторах, включая сланцевые породы (Сидорова, 2016; Vaganova, 2022). В итоге российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК), конечно, ощутил негативный эффект от «недружественных» шагов западных стран, однако этот эффект был явно ограниченным, поскольку введенные Западом «энергетические санкции» существенным образом не влияли на текущую добычу и экспорт российских углеводородов и в большей мере должны были оказать долгосрочный эффект.

Вслед за началом СВО России на Украине в феврале 2022 г. политизация мировой энергетики благодаря усилиям США и ведомых ими стран достигла беспрецедентного за всю историю уровня. Стремясь побудить Россию отказаться от «агрессии» в отношении Украины, а также нанести ей стратегическое поражение, Соединенные Штаты вместе с союзниками вновь применили «энергетическое оружие», но на этот раз сделали это полномасштабно¹⁴, даже рискнув поставить под удар стабильность не только собственной, но и мировой системы энергоснабжения (Yangyang et al., 2023).

Во-первых, было введено тотальное или почти тотальное эмбарго на импорт российских ископаемых энергоносителей применительно к рынкам западных стран. Во-вторых,

¹³ Trainer J., Lokker N., Taylor K., Certan U. Sanctions by the Numbers: The Russian Energy Sector // Center for a New American Security. April 4, 2024. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/sanctions-by-the-numbers-the-russian-energy-sector> (accessed: 23.09.2024).

¹⁴ Ibid. См. также: (Vaganova, 2022).

были созданы обременительные финансовые, транспортные и иные труднопреодолимые барьеры для поставок российских нефти, нефтепродуктов и сжиженного природного газа на альтернативные рынки, включая введение ценовых потолков. В-третьих, в силу разных причин, включая боевые действия на Украине, санкции, а также «акты терроризма на государственном уровне» (имеется в виду подрыв ниток газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» в сентябре 2022 г.)¹⁵, почти перестала работать газотранспортная инфраструктура, связывающая Россию и Европу. В-четвертых, правительства западных стран настоятельно рекомендовали своим национальным энергетическим компаниям покинуть российский рынок, что они в подавляющем большинстве и сделали (Боровский, 2023; Yangyang et al., 2023; Batzella, 2024).

Вряд ли следует оспаривать тот факт, что главными виновниками политизации энергетики в период после февраля 2022 г. являются западные государства. Однако и в ответных действиях России можно определенно увидеть политизацию энергетики, пусть даже в ограниченном масштабе. В марте 2022 г. президент В.В. Путин подписал указ о переходе России в расчетах за газ с недружественными странами на рубли¹⁶. Из-за вполне ожидаемого отказа Польши и Болгарии использовать российскую валюту в расчетах «Газпром» прекратил подачу газа в эти две страны, что стало очередным поводом обвинить Россию в использовании «энергетического оружия» в политических целях¹⁷. В мае

¹⁵ Путин назвал подрыв «Северных потоков» терроризмом на госуровне // Известия. 11.10.2023. URL: <https://iz.ru/1587758/2023-10-11/putin-nazval-podryv-severnoykh-potokov-terrorizmom-na-gosurovne> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁶ Путин подписал указ о продаже газа за рубли недружественным странам // РБК. 31.03.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/03/2022/6245aafb9a7947e20b83407a> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁷ Tsolova T., Koper A. Europe Decries ‘Blackmail’ as Russia Cuts Gas to Poland, Bulgaria // Reuters. April 27, 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/gazprom-says-it-halts-gas-supplies-poland-bulgaria-payments-row-2022-04-27/> (accessed: 15.09.2024).

2022 г. Москва отказалась от поставок газа по трубопроводу «Ямал — Европа», идущему через Белоруссию в Польшу и Германию. В июле 2022 г. «Газпром» по причине профилактики неожиданно и на относительно продолжительный срок остановил прокачку газа по газопроводу «Северный поток — 1»¹⁸. В итоге в Евросоюзе увидели политическую заинтересованность Москвы в резком падении экспорта российского газа европейским потребителям¹⁹. Помимо сказанного выше, в действиях российских вооруженных сил, которые в ходе СВО регулярно наносят ракетные удары по энергетической инфраструктуре Украины, снабжаемой и финансируемой Западом, можно также увидеть проявление политизации энергетики.

Таким образом, после начала СВО, послужившей причиной для крайне жестких «энергетических санкций» Запада и ответных действий России, мир стал свидетелем беспрецедентной по своему размаху открытой (прежде всего, относительно действий Запада) и крайней политизации энергетики в форме полномасштабной двусторонней энергетической войны.

Вместе с тем украинский кризис не только обострил, но и ускорил процесс формирования многополярного миропорядка, который уже в недалекой перспективе должен прийти на смену уходящему однополярному. Данный политический по своей главной сути процесс затронул и сферу энергетики.

Во-первых, с декабря 2016 г. существует и развивается новый формат взаимодействия стран — экспортеров нефти, получивший название ОПЕК+. Он объединил в режиме *ad hoc* 12 стран — членов нефтяного картеля, а также 11 государств, находящихся за

¹⁸ Lawson A. ‘Gas Blackmail’: How Putin’s Weaponised Energy Supplies Are Hurting Europe // The Guardian. July 15, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/15/gas-blackmail-how-putins-weaponised-energy-supplies-are-hurting-europe> (accessed: 16.09.2024). См. также: (Laryš, 2024).

¹⁹ Кавешников Н. Ю. Реакция Евросоюза на энергетический кризис 2022 г. // Аналитическая записка РСМД. 2023. № 42. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/reaktsiya-evrosoyuza-na-energeticheskiy-krizis-2022-g/> (дата обращения: 16.09.2024).

периметром ОПЕК, включая Россию, Бразилию и Мексику. Формально ОПЕК+ (равно как и ОПЕК) призвана поддерживать стабильные цены на нефть в интересах ее участников²⁰. Однако также налицо негласная политическая солидарность вовлеченных в ОПЕК+ государств, озабоченных как ростом добычи сланцевой нефти в США, так и сокращающимся мировым спросом на нефть из-за процесса декарбонизации энергетики, усиленно продвигаемого Западом.

Во-вторых, с вхождением в БРИКС ведущих стран — членов ОПЕК (Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и Ирана) энергетическое сотрудничество в рамках данного межгосударственного объединения, имеющего также в своих рядах Россию, Бразилию, Индию, Китай, Южно-Африканскую Республику (ЮАР), Египет и Эфиопию, имеет все шансы выйти на новый уровень (Мастепанов, 2024). В силу того, что БРИКС является одним из главных олицетворений формирующегося многополярного мира, нельзя исключать возможности скрытой политизации его энергетической повестки.

В-третьих, Россия, столкнувшаяся с крайне жесткими «энергетическими санкциями» Запада, в сущности, ощутила солидарную поддержку многих государств незападного мира. Индия, Китайская Народная Республика (КНР), Турция и целый ряд других западных стран — импортеров нефти фактически помогли России избежать коллапса ее нефтяной промышленности, согласившись в крайне сжатые сроки нарастить импорт российской нефти²¹, в том числе за счет «нетрадиционных» схем поставок. Партнеры России по ОПЕК+, включая Саудовскую Аравию и ОАЭ, оперативно переключились на рынки, откуда вынуждена была уйти Россия, и одно-

временно освободили для нее ниши в западных странах-импортерах, прежде всего в Индии и КНР.

Таким образом, применительно к формату ОПЕК+, усилению политико-энергетической составляющей БРИКС, а также негласному содействию России со стороны целого ряда западных стран в деле преодоления западных «энергетических санкций» можно определенно говорить о скрытой и в то же время умеренной политизации энергетики.

Заключение

Политизация энергетики — неотъемлемый атрибут международных отношений в течение последних 50 лет. Она может быть скрытой или открытой, умеренной или крайней. Крайняя политизация энергетики, в отличие от умеренной, предполагает применение государством или объединением государств «энергетического оружия» в политических целях, что приравнивается к энергетической войне. Энергетические войны могут быть ограниченными или полномасштабными; односторонними, двусторонними или многосторонними.

История и современность дают немало примеров политизации энергетики разных типов. Например, открытую и крайнюю политизацию энергетики можно увидеть в действиях нефтеэкспортеров Персидского залива в 1973–1974 гг., а также в «энергетических санкциях» Запада, введенных против России после начала СВО в 2022 г. Эти два примера могут одновременно олицетворять полномасштабную «энергетическую войну», правда, в первом случае — одностороннюю, во втором — двустороннюю.

Политизация мировой энергетики проявляется не только в контексте резонансных международных событий — кризисов, конфликтов, споров. С политизацией энергетики, носящей скрытый и умеренный характер, можно связывать «особые отношения» по формуле «энергетика плюс политика» (США и Саудовская Аравия, Россия и КНР и др.), поставки энергоносителей по политизированным (заниженным или завышенным по отношению к рынку) ценам (Россия — Белоруссия,

²⁰ Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman Extend Voluntary Cuts // OPEC. September 5, 2024. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/7369.htm (accessed: 25.09.2024).

²¹ Perkins R. Interactive: Global Oil Flow Tracker // S&P Global. January 8, 2025. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/072122-interactive-global-flow-tracker-recording-changes-russian-oil-exports> (accessed: 14.01.2025).

Венесуэла — Куба и др.), межгосударственное взаимодействие в формате ОПЕК+, а также де-факто негласное содействие России в преодолении западных «энергетических санкций» со стороны многих незападных стран (Индия, КНР и т. д.).

Конфликт на Украине спровоцировал открытую и крайнюю политизацию мировой энергетики, которая после начала СВО достигла беспрецедентных масштабов, поскольку

западные государства решили в полной мере применить против России доступное им «энергетическое оружие», рискнув поставить под удар не только собственную, но и мировую систему энергоснабжения. В итоге мир стал свидетелем очередной энергетической войны, которая в 2014–2022 гг. носила односторонний и ограниченный характер, а после февраля 2022 г. трансформировалась в двустороннюю и полномасштабную.

Поступила в редакцию / Received: 26.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 15.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Андреанов В. Д. Инфляция: причины возникновения и методы регулирования. Москва : Экономика, 2010. EDN: VRVQJZ
- Борисова А. Р. Политизация экономики США: от Буша к Трампу // США & Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 7. С. 65–78. <https://doi.org/10.31857/S03212068000016-1>; EDN: XZTVWP
- Боровский Ю. В. Международное измерение энергетической безопасности: Россия и мир (1991–2021 гг.). Москва : Аспект Пресс, 2022. EDN: FXWSHS
- Боровский Ю. В. Политизация мировой энергетики // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 1. С. 19–28. EDN: OHWREZ
- Боровский Ю. В. Чем движем Запад в своей энергетической политике? // Международные процессы. 2023. Т. 21, № 1. С. 189–211. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.4>; EDN: HVPKBM
- Голунов С. В. Энергетические рычаги внешней политики : опыт России и США // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 1. С. 56–73. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.3>; EDN: CESVFR
- Данилов М. В. Концепт «политизация» в научном и общественно-политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 92–96. EDN: MUIEOV
- Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Москва : Альпина Паблишер, 2023.
- Ефанов А. А. Политизация спорта посредством медиа: синкретизм социальных институтов // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 1. С. 130–140. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).130-140](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).130-140); EDN: ZGEUVN
- Зоткин А. А. Война, политика и мир в трактовке К. фон Клаузевица // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 113–127. EDN: BCYXRG
- Лебедев В. С. Политизация религии в современном мире: концептуализация проблемы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11, № 3. С. 192–198. EDN: VXBVXF
- Лоран Э. Нефть. Ложь, тайны, махинации. Москва : Столица-Принт, 2008.
- Макаров И. А., Чупилкин М. С. Энергетический Пёрл-Харбор // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 1. С. 38–53. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-38-53>; EDN: XZIVCW
- Мастепанов А. М. Энергетическое сотрудничество стран БРИКС в условиях фрагментации мировой экономики и глобального кризиса // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2024. № 8. С. 42–58. EDN: EYKFRB
- Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 112–130.
- Семёнов В. Л. Влияние санкций США на экономику Венесуэлы // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 1. С. 53–66. <https://doi.org/10.31857/S2686673022010047>; EDN: LMRGZR
- Сидорова Е. А. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1. С. 143–155. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.11>; EDN: VXDGD
- Симония Н. А. Нефть в мировой политике // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 3. С. 4–17. EDN: OHWPUL

- Скорородова О. Н. Эпоха великих потрясений : энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны. Москва : АСТ, 2021.
- Чернявская В. Е. Политизация истории как стратегия создания новой государственной идентичности: лингвистический анализ // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 85–90. EDN: RSOTGF
- Batzella F. Slowly but Surely? Assessing EU Actorness in Energy Sanctions Against Russia // *Energy Policy*. 2024. Vol. 192. Art. 114233. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2024.114233>; EDN: BABRLX
- Bobba G., Hubé N. COVID-19 and Populism: A Sui Generis Crisis // *Populism and the Politicization of the COVID-19 Crisis in Europe* / ed. by G. Bobba, N. Hubé. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2021. P. 1–16. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66011-6_1
- Bourbeau P. *The Securitization of Migration : a study of movement and order*. London : Routledge, 2011. <https://doi.org/10.4324/9780203829349>; EDN: WPBVKP
- Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
- Chen Yangyang, Jiang Jiexin, Wang Lei, Wang Ruisong. Impact Assessment of Energy Sanctions in Geo-Conflict: Russian-Ukrainian War. *Energy Reports*. 2023. Vol. 9, P. 3082–3095. <https://doi.org/10.1016/j.egy.2023.01.124>; EDN: MTWWDJ
- Grigas A. *The New Geopolitics of Natural Gas*. Cambridge : Harvard University Press, 2017. <https://doi.org/10.2307/j.ctv253f7jj>
- Henderson J. Does Russia Have a Potent Gas Weapon? // *The Palgrave Handbook of the International Political Economy of Energy* / ed. by T. van de Graaf, B. Sovacool, A. Ghosh, F. Kern, M. Klare. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 461–486. https://doi.org/10.1057/978-1-137-55631-8_19
- Laryš M. Russia's Potential for Weaponization of Gas Supplies After the Re-Invasion of Ukraine // *Energy Policy*. 2024. Vol. 191. Art. 114195. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2024.114195>; EDN: JTGBKV
- Luft G., Korin A. *Realism and Idealism in the Energy Security Debate // Energy Security Challenges for the 21st Century* / ed. by G. Luft, A. Korin. Santa Barbara : Praeger, 2009. P. 335–349. <https://doi.org/10.5040/9798400646119.ch-023>
- Palonen K. Four Times of Politics: Policy, Polity, Politicking, and Politicization // *Alternatives*. 2003. Vol. 28, no. 2. P. 171–186. <https://doi.org/10.1177/030437540302800202>
- Rodríguez-Fernández L., Carvajal A. B. F., Ruiz-Gómez L. M. Evolution of European Union's Energy Security in Gas Supply During Russia — Ukraine Gas Crises (2006–2009) // *Energy Strategy Reviews*. 2020. Vol. 30. Art. 100518. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2020.100518>; EDN: OUQVUH
- Sassi F. The Geopolitics of the EU — Russia Gas Trade: Reviewing Power in International Gas Markets // *The Handbook of Energy Policy* / ed. by F. Taghizadeh-Hesary, D. Zhang. Singapore : Springer, 2023. P. 33–67. https://doi.org/10.1007/978-981-19-6778-8_2
- Vaganova O. V. Russia and Sanctions // *Research Result. Economic Research*. 2022. Vol. 8, no. 1. P. 4–11. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1>; EDN: OWPZWW
- Venn F. *The Oil Crisis*. London : Routledge, 2002. <https://doi.org/10.4324/9781315840819>
- Wells C. *The UN, UNESCO and the Politics of Knowledge*. London : Palgrave Macmillan, 1987. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-08409-8>
- Yergin D. *The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World*. New York, NY : Penguin Press, 2011.

Сведения об авторе:

Боровский Юрий Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 8456-7863; ORCID: 0000-0001-8855-5147; e-mail: yuribor@mail.ru